

ПРАВОСЛАВНОЕ ВИДЕНИЕ ЛИТОВСКОЙ ИМПЕРИИ

Александр Синкевич

Александр Синкевич — экономист, предприниматель, православный традиционалист. Занимается проблемами локальной экономики, истории православной Церкви и православия в Великом Княжестве Литовском.

Борисоглебская церковь
в Новогрудке,
1517–1519 гг.

Белорусский национализм, не сумев реализоваться в прошлом веке, сейчас вновь начинает распадаться на два исходных компонента: западноруссизм и литвинизм. В данном случае это не только вызывает идейную шизофрению у белорусов, но и дает повод для вмешательства посторонних сил, что уже случалось не раз в нашей истории. Ведь западноруссизм обычно поднимается на знамя апологетами триединства Руси и московского православия, а литвинизм, как правило, понимается как пролатинское течение, враждебное «туранской московской орде».

Лучшего способа разрушить собственный край невозможно и придумать. Есть ли выход за парадигму этого противостояния без взаимного уничтожения или нелепой эклектики? Автор полагает, что да, тем более, что наша история содержит весьма поучительный опыт, ныне забытый или замалчиваемый.

ИМПЕРИИ И ПРОТОИМПЕРИИ В НАШЕМ КРАЕ

Историю Беларуси, как и любой другой страны, можно трактовать по-разному. У соседей свой взгляд, и это — естественно. Полезно знать и их точку зрения, но при этом необходимо оставлять за собой право на собственное понимание своей истории. Уже несколько веков наш край находится на линии соприкосновения европейских Востока и Запада, о чём почти сто лет назад написал Игнат Абдиралович¹. Для нас это столкновение

¹ Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветагляду. Менск, 1993.

Борисоглебская (Коложская)
церковь XII в. в Гродно

проявляется в польско-русском конфликте и автоматически вызывает ментальный разлом в нашем обществе и даже внутри каждого из нас. Поэтому вначале вспомним, какими глазами смотрят на нас и нашу историю в Варшаве и в Москве.

Варшавский взгляд «болен» близорукостью, так как для многих польских политиков и идеологов история нашей земли начинается в 1385 г. — с Кревской унии и католического крещения Литвы. Оно заканчивает варварское господство язычников и схизматиков и присоединяет современную Беларусь к латинской цивилизации — с каждым годом всё крепче, особенно после Люблинской унии 1569 г. Это движение прерывает евразийская Россия, которая оккупирует эти земли с 1772 г. Но с 1915 г. её влияние постепенно уменьшается.

Московские политики, наоборот, страдают исторической дальнорукостью. Они точку отсчёта начинают где-то со времён византийского крещения Руси. Монголо-татарское нашествие положило конец единой Руси, и в начале XIV в. она распадается на московскую Восточную Русь и литовскую Западную. Символической границей можно считать 1316 г., когда митрополит всея Руси переезжает в Москву. Восточная Русь при этом объявляется единственным легитимным преемником Киевской. Западная же Русь объявляется оккупированной сначала литовцами, а потом — поляками. Московская Русь тем временем крепнет, особенно после 1448 г., когда её церковь обретает автокефалию, и после 1654 г. возвращает себе часть Западной Руси вместе с Киевом и Смоленском. А в 1795 г. воссоединение Руси можно считать завершённым.

Характерно, что оба этих взгляда отказывают в субъектности автохтонным народам, живущим на землях между Россией и Польшей. Поэтому ниже будет показано влияние империй и протоимперий с точки зрения их аутентичности для белорусского края. Эта перспектива ставит в центр нашей тысячелетней истории Литву, чего упорно не желают видеть польские и российские идеологи. И тем не менее именно Литва является здешним и аутентичным государством вместе со своей полоцкой предшественницей. А влияния Польши и России исходят с иноземных метрополий, хотя и населяют их, очевидно, родственные нам народы.

Интересно, что все Империи и протоимперии, несмотря на свой антагонизм, апеллировали к одному и тому же корню — Римской империи:

1. Русь, в том числе и Полоцкая, основанная скандинавскими династиями, вскоре восприняла восточно-римское влияние и даже начала готовить почву для её трансляции в наш край.

2. Литовская аристократия, которая переняла лидерство у Рогволодовичей, после некоторых колебаний стала склоняться к западно-римской традиции. И свою родословную она выводила напрямую от древнего римлянина Палемона.

3. Польша, хотя и не была империей, входила в сферу влияния Римского Папы, понимая курию как наследницу Римской империи.

4. Россия после падения Константинополя объявила *translatio imperii*, чтобы попробовать себя в роли Третьего Рима.

ПОЛОЦКАЯ РУСЬ. ВИЗАНТИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Для создания собственного государства народ должен обладать соответствующим государственным сознанием. Точно так же одним из условий возникновения империи специалисты² называют наличие стержневого имперского этноса — народа с особым **имперским** мышлением, направленным не на уничтожение и ассимиляцию покоренных или присоединенных краёв, а на сохранение их самоуправления, культурных и хозяйственных особенностей.

Наши предки вначале не имели имперского и даже просто государственного сознания. Тем самым они несколько напоминали галлов. Первые попытки государственного строительства были предприняты по внешним инициативам. Если пропустить недолговечную готскую христианскую империю Германариха, то нашу имперскую историю

² Махнач В. Историко-культурное введение в политологию // <http://mahnach.ru/articles/ikvp/>

нужно начинать со времён викингов. Именно варяги были тем имперским народом, которому мы обязаны первыми камнями в фундаменте нашей государственности.

Причём язычники-варяги несли с собой выразительный имперский дух в лучшем смысле этого слова: воинственные князья, опираясь на верную норманнскую дружину, активно расширяли свои владения, не уничтожая при этом покорённые племена. Варяги берегли и даже перенимали местный уклад жизни.

В X в. варяжские князья решили принять христианство в Константинополе. Надо отметить, что сами византийцы почти не проводили централизованной христианской миссии, а сосредоточивались исключительно на катехизации территории исторической Римской империи. Варваров крестили обычно по просьбе самих варваров, причём без особого энтузиазма³. Главным результатом крещения языческих народов византийцы считали «смягчение диких нравов», что на практике означало ликвидацию военных угроз для Константинополя. Поэтому даже на крещёных варваров ромеи смотрели свысока, считая их грубыми и неспособными к возвышенному византийскому пониманию веры. Крещение Руси произошло по схожему сценарию, причём, что характерно, византийские источники упорно молчат об этой масштабном событии. Такое прохладное отношение можно объяснить пониманием невозможности превращения Руси в её полноценную имперскую провинцию — слишком она далека и велика.

Важной деталью является церковно-славянский язык («грубый и примитивный» по мнению греков), на котором проводилась катехизация страны. Этот нюанс лишил Русь возможности изучать сокровища античных философов, доступные самим ромеям. Западные же варвары при крещении вынуждены были изучать латынь, а потому легко знакомились в оригинале и с античной римской литературой.

Тем не менее, бесспорно, что именно Константинопольская Церковь стала Церковью-Матерью для Русской. Болгарские и греческие священники, которых широко задействовали в крещении Руси, были имперскими подданными. Церковные же иерархи, которых посылал Константинополь, считались официальными представителями Византийской империи и пытались внедрить здесь не только догматы веры, но и гражданские обычаи ромеев.

Одной из задач Церкви было удержание территории митрополии от бунтов и междоусобиц — первое условие имперского благополучия. Об этом ясно заявил в 1195 г. митрополит киевский грек Никифор II: *«Мы поставлены в Русской земле от Бога удерживать вас от кровопролития»*.

Таким образом, крещение Руси формально присоединило наших предков к *ротапа* и познакомило их с имперской традицией Византии.

ПОЛОЦКАЯ ПРОТОИМПЕРИЯ

Для Руси Византия назначала единого митрополита в Киев, так как была заинтересована в сохранении геополитического единства. Но в Киевской Руси почти сразу появились три центра власти: Новгород, Полоцк и старый Киев. Все три города демонстрировали имперские амбиции и приступили к активной колонизации соседних земель.

Повторяя опыт болгар, Всеслав Чародей строит в Полоцке Софийский собор — яркий символ имперской власти, который, безусловно, использовался для интронизации полоцких князей. Храм строится одновременно с Киевским и Новгородским — между 1030—1060 гг.

Но в то время рождения Полоцкой империи так и не произошло, а эпоха Всеслава осталась в истории наивысшим взлётом Полоцка. После него шла только постепенная деградация — распад на уделы, непрерывные междоусобицы с соседними княжествами, неудачное противоборство с новыми вызовами. На Руси возникали и возвышались новые центры власти — Владимиро-Суздальское, Галицкое, Смоленское княжества. Новгород также сумел увеличить свою самостоятельность: в XII в. Новгородский

³ Иванов С. А. Византийское миссионерство: можно ли из «варвара» сделать христианина? Москва, 2003.

Борисов камень
с надписями XII в.
около Софийского собора
в Полоцке

епископ получает от Патриарха титул архиепископа и автономию от Киевской митрополии.

В середине XIII в. половина Руси была разрушена монголами. Тогда бы Полоцку поднять свой имперский штандарт и собрать под ним окрестные земли... Однако и сейчас Полоцк упустил свой шанс. Возможно, это связано с общей усталостью имперского этноса — варягов. Слишком они были малочисленными и воинственными, чтобы поддерживать долгосрочный имперский проект в Полоцке, не говоря уже о большой Киевской Руси.

Интронизация князей в те времена тоже не приобрела имперского размаха. Как свидетельствуют учёные⁴, первоначально интронизация князей имела исключительно светский характер и церемония включала торжественное «прославление» князя гражданами: когда киевляне освободили из поруба полоцкого князя Всеслава, «прославиша и средѣ двора кнѣжа». Возможно, при этом произносилось формула «Ты — наш князь». На княжеском дворе присутствовал стол — трон князя, на который тот же Всеслав «седе въ Кыеве». Завершалась церемония пиром в княжеском дворе.

Христианизация внесла новые детали в процедуру настолования: торжественную встречу князя духовенством и народом и посещение столичного кафедрального собора, где происходило поклонение иконам, провозглашение князем и интронизация. Вот, например, описание инаугурации смоленского князя Давида Ростиславовича в 1180 г.:

Поеха [Давыд] борзо к Смоленску и оусрете и епископъ Константинъ съ кресты и со игумены и с попы, вси смольняни, и шведъ Давыдъ в церковь святыя Богородицы и седе на столѣ деда своего и отца своего.

Церковная практика интронизации была перенесена из Константинополя ещё византийкой Анной — женой Владимира Великого.⁵ Также она, чтобы подчеркнуть вступление

⁴ Гвозденко К. С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С.17–35.

⁵ Poppe A. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus' // The 17th International Byzantine congress, [Washington, DC, August 3–8, 1986]: abstracts of short papers. Washington (DC), 1986. P. 272–274.

Софийский собор —
кафедральный собор Полоцка.
Первоначально построен
между 1030—1060 гг. Разрушен
в 1710 г. и в середине XVIII в.
восстановлен в стиле
виленского барокко

супруга в семью христианских хозяев, венчала его стеммой (венцом с крестом посередине и подвесками по бокам). В этих регалиях и со скипетром в руках образ Владимира помещали на тогдашних монетах.

Но чин венчания на Руси не прижился, как не практиковалось и миропомазание на княжество. Что совсем неудивительно, помня, что русские князья тех пор пре-

тензий на императорский титул не заявляли, а были заняты междоусобной борьбой и ревниво следили за титулами и регалиями друг друга. Это подчёркивалось и поминальными формулировками в православной службе: в полоцком «Чине божественной службы» XIV в. одновременно поминаются местные епископ (архиепископ) и князь, без прибавления «великий», что выделяло удельный статус княжества⁶.

Таким образом, кроме Всеслава Чародея, Кривия не смогла родить династию князей с имперским масштабом мышления, достаточным для создания полноценной империи. В результате Полоцк, Псков, Новогрудок и другие русские города начинают искать и приглашать к себе новых отважных правителей. И этих князей ослабевшей Руси щедро дарит новый имперский этнос — молодая Литва.

ВЕЛИКАЯ ЛИТВА. ЛИТОВСКАЯ ПРОТОИМПЕРИЯ

Современные идеологи разных течений привыкли противопоставлять Литву и Русь, показывая их как исконных врагов. Но даже поверхностное рассмотрение истории создания Великого Княжества Литовского разрушает эту искусственную схему.

Прежде всего следует напомнить, как археологи определяют ареал расселения балтских племен: перед своей славянизацией они в течение тысячелетий занимали огромное пространство от Вислы до Оки и от Псковского озера до Припяти. До сих пор об этом нам напоминают гидронимы — балтские названия речек и озёр, а также фамилии местных жителей⁷.

Ещё интереснее, что антропологи на основе анализа древних захоронений уверенно опровергают массовые миграции славян и других народов на балтскую территорию⁸. Генетики также подтверждают вывод о том, что белорусы являются прямыми потомками тех людей, которые 8 тысяч лет назад заселили страну⁹.

Если оценивать эти данные в комплексе, то они существенно уточняют упрощённую и политизированную гипотезу о создании триединой Руси славянскими мигрантами. Уверенно можно говорить лишь о процессе продвижения славянского языка на различные территории, заселённые балтскими, финскими и иранскими этносами. Чуть позже эти славяноязычные территории приняли и одинаковое православное крещение, присоединившись таким образом к греко-римской ойкумене.

Однако процесс славянизации и христианизации не охватил всех балтов. Наиболее отдаленные литовцы, жемайты, пруссы, ятвяги сохранили свой язык, религию и первоначальный варварский экспансионизм.

Взаимодействие балто- и славяноязычных племён имело сложный и многоуровневый характер. Взаимные военные набеги не исключали контактов мирного характера — культурных, торговых, миграционных и т. д. Так, часть литовской аристократии присоединялась к «русской» вере, в то же время полочане приглашали к себе на стол литовских князей. Литовская элита находила приют в Новогрудке, Пскове, Новгороде и т. д. Например, Товтивилл Полоцкий назывался в православном крещении Феофилом, а в Пскове княжил Довмонт-Тимофей.

Таким образом, взаимодействие балто- и славяноязычных земель постепенно расширялось. Окончательно их сблизило в XIII в. появление общих сильных врагов — монголо-татар на юге и немецких крестоносцев на севере. Тогда-то и начинается создание Великого Княжества Литовского, которое со временем почти бескровно объединило исконный ареал расселения балтских племён.

Интересно, что даже российские императоры не оспаривали мирного и легитимного характера перехода власти в белорусских и украинских землях от скандинавских Рюриковичей к литовским Гедиминовичам. Об этом убедительно свидетельствует «Общий гербовник дворянских родов Российской империи», изданный Павлом I в 1798 г.¹⁰ Этот документ парадоксальным образом опровергает средневековые претензии московских Рюриковичей на русскую землю («нашу вотчину»), которыми литовские князья владели на законных основаниях.

⁶ Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке. Санкт-Петербург, 1873.

⁷ Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Москва, 1962.

⁸ Дзермант А. Крывічы. Гістарычна-этнагенетычны нарыс. Druvis. Almanach Centru etnakasmalogiji «Kryūja». 2005. № 1. С. 19–35.

⁹ Мікуліч А. Беларусы ў генетычнай прасторы. Антрапалогія этнасу. Менск, 2005. С. 16.

¹⁰ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Т. 1. Санкт-Петербург, 1798.

Нетрудно заметить, что суть Великого княжества Литовского была вполне имперской, особенно в первые века своего существования:

- Создавал и цементировал ВКЛ стержневой этнос литвинов.
- Правящая элита включала в себя представителей всех народов страны, которые исповедовали католицизм, православие и язычество.
- Отношения с провинциями базировались на законе «старину не рушить, новизну не вводить». На всех присоединённых землях тщательно сохранялись административные и хозяйственные особенности.
- Литвины приглашали в ВКЛ и защищали небольшие этносы — караимов, евреев, татар и т. д.

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что Великое Княжество Литовское было родным домом для предков современных белорусов, причём независимо от вероисповедания. Некоторые из них происходили из исторической Литвы, некоторые — из исторической Руси. Но это не существенно.

Конечно же, ВКЛ осталось несостоявшейся империей в формальном смысле — не то что императора, но даже наследственного короля здесь не было. Безостановочная борьба с мощными врагами обессилила Литву и заставила её постепенно интегрироваться в Польшу в составе Речи Посполитой. Но дух империи витает над краем до сих пор и питает мысли многих философов и политологов¹¹. И православие вовсе не чуждо этой идее, на что есть серьёзные причины.

¹¹ Бераснявічус Г. Чароўнасць літоўскай імперыі // Druvis. Almanach Centru etnakasmalogiji «Kryūja». 2008. № 2. С. 217–223.

НОВОГРУДОК КАК ТРЕТИЙ РИМ

Литовские князья в XIII—XIV в. относились к своему собственному вероисповеданию, как к политическому вопросу — они могли принять католическое или православное крещение или даже вернуться к язычеству в зависимости от ситуации, в которой находилось их государство. Конечно же, проще всего их обвинить в беспринципности, но такие поступки могут также свидетельствовать и о готовности пожертвовать собственными чувствами ради благополучия своей страны. Поэтому не будем строгими судьями тогдашним властителям, лучше подчеркнём их постоянную заботу о религиозности и морали среди своих подданных, независимо от конкретных конфессий.

Для православных важно, что первое крещение будущего короля Литвы (с 1253 г.) Миндовга произошло в 1246 г. в Новогрудке, возможно, вместе с его одновременной интронизацией, как новогрудского князя. Его сын Войшелк также был крещён в Новогрудке и настолован там.

Таким образом, Новогрудок возвышается как один из важных центров Великого Княжества Литовского и одновременно — как здешний центр православия.

Если раньше наибольшее количество святых давала Полоцкая земля, то с XIII в. эту эстафету перехватывает Литва. Первым литовским святым стал преподобный Елисей Лавришевский, сын князя Трайняты. Он почил 5 ноября 1250 г., а при жизни основал под Новогрудком на границе с Литвой лавру, в которой принял монашество Войшелк и которая на протяжении веков была центром православного духа и просвещения. Св. Елисей открывает перечень литовских святых XIII в., к которым причисляются:

- благоверная Харитина, княгиня Литовская, игуменья Новгородского Петро-Павловского монастыря;
- благоверный Довмонт, князь Нальшанский, пожалуй, самый выдающийся правитель Пскова;
- виленские мученики Антоний, Иоанн и Евстафий.

Этот собор святых свидетельствует, что православие не является чужим для Литвы, и даже знатные литовцы в то время охотно присоединялись к византийской ойкумене. Подобное уже не раз случалось во время строительства империй — достаточно вспомнить

Каменный крест у д. Шиловичи
Слонимского р-на.
Фото Александра Яромовича

Церковь Святого Архангела
Михаила в д. Сынковичи Зель-
венского р-на, начало XVI в.

историю покорения греков македонцами, а позже римлянами. Завоеватели в обоих случаях перенимали более развитую культуру побеждённых народов.

Но в XIV в. Литва ещё выбирала между католичеством и православием. Ориентация на православие лежала на поверхности: достаточно вспомнить, что в XIII—XIV в. 56 литовских князей исповедовали православную веру, 16 русских княжон были замужем за литовскими князьями и 15 литовских княжон были замужем за русскими князьями¹². Как правило, литовские князья, княжившие в русских городах, принимали православное крещение.

На рубеже XIII—XIV в. была учреждена кафедра литовского митрополита в Новогрудке, появившаяся там не позднее 1317 года — раньше, чем в Москве. Новая митрополия значилась в патриаршем синодике под 82-м номером. Кафедральным собором была новогрудская Борисо-Глебская церковь, а монастырь при ней служил митрополичьей резиденцией. И хотя в следующие полтора века кафедра часто пустовала, Новогрудок был столицей христианства и миссионерства, а митрополит выступал как непосредственный представитель Римской (Византийской) империи.

Наибольшие шансы стать православным государством Великое Княжество Литовское имело при Ольгерде (1345—1377). Сначала он преследовал христиан, но после женитьбы на православной витебской княжне Ульяне начал склоняться к крещению. Вот рассказ Никифора Григора о его отношениях с литовским митрополитом Романом (1355—1362), который был родом из Твери¹³:

[Ольгерд] охотно слушал [Романа], когда тот во время частых посещений наставлял его в благочестии и учил высказываниям пророков и апостолов, так что и сам [князь] мог цитировать их наизусть... И за это и за иное [Ольгерд] любил Романа и был уже близок к тому, чтобы принять божественное крещение, прежде усовершенствовавшись в догматах благочестия благодаря тому, что [Роман] часто учил и наставлял его. И хорошее дело в отношении этого народа достигло бы цели в религиозных отношениях.

Но непреодолимые препятствия к созданию прочной литовской кафедры, взяточничество и интриги Константинополя неприятно поразили Ольгерда. Как сообщает тот же Никифор Григора:

[Ольгерд] с множеством подданных отказался креститься и заявил, что лучше уж поклоняться солнцу, которое даёт свет и тепло, чем демону сребролюбия, который воцарился над ромейскими патриархами.

Ольгерду не хватило совсем немного, чтобы сконцентрировать в своих руках власть во всей Руси. Если бы это произошло, Новогрудок после падения Константинополя имел бы все шансы объявить *translatio imperii*¹⁴, а себя — духовным Третьим Римом. Литва даже имела бы ряд весомых преимуществ перед Москвой:

- свобода от монголо-татарского ига;
- контроль над Киевом — древней митрополичьей кафедрой;
- близость к Константинополю;
- власть одновременно над литовским и русинским народами;

Для имперского мифа о Литве как о Третьем Риме вполне пригодилась бы легенда о римском происхождении Палемона, первого литовского князя. Однако после смерти Ольгерда произошёл внезапный поворот на Запад.

ПОВОРОТ ЛИТВЫ НА ЗАПАД

Как известно, в XIII в. Восточная Римская империя была оккупирована крестоносцами и оказалась на грани исчезновения. В этих условиях ответственность за сохранение единства византийской ойкумены лежала не столько на ослабевших императорах, сколько на Церкви. Поэтому Константинопольские патриархи XIV в. решительно требовали от болгарской и русской церкви, чтобы они поминали за литургией Константинопольского Патриарха и императора.

¹² Боричевский И. П. Православие и русская народность в Литве. Санкт-Петербург, 1851.

¹³ Nicephori Gregoræ Byzantina Historia: Græce et Latinæ. XXXVI, 34. Bonn, 1830, S. 517–518, 520.

¹⁴ Концепция «переноса» империи (*translatio imperii*) восходит к Древнему Риму. В качестве первой трансляции можно назвать легендарное переселение троянцев под началом Энея в Италию. Считается, что следующая «трансляция империи» состоялась в 476 г., когда римский сенат по принуждению варваров отослал императорские регалии в Константинополь. Однако название империи, её сущность и даже территории, на которые она претендовала, остались неизменными. Все последующие *translatio imperii* происходили по инициативе варварских правителей, которые обычно, по примеру древних римлян, выводили своё происхождение от рода цезарей.

Но расширение византийского влияния в то время стало неразрешимой задачей по следующим причинам:

1. Новообращённые страны руководствовались исключительно сепаратистскими чувствами и стремились создать собственные патриархии и митрополии. Особого пиетета к *raх romana* эти народы не испытывали.

2. В то же время ромеи, как и древние греки и римляне, пренебрегали миссионерской работой и смотрели на крещёных варваров, как на людей второго сорта. А теперь у них уже не было достаточно сил.

В результате этой патовой ситуации Литва была потеряна для восточно-римской ойкумены. Проанализируем, как и почему это произошло.

В начале XIV в. на Руси существовали три центра власти: Владимирское и Галицкое княжества, а также Литва. Для Константинополя это стало неразрешимой проблемой: следующие полтора века он неоднократно создавал независимые митрополии, чтобы потом снова соединить их в одну. С одной стороны, Византия хотела дружить со всеми центрами власти (а для этого были нужны отдельные митрополии), с другой — она хотела иметь на этом большом пространстве единого митрополита, арбитра и представителя империи, который поддерживал бы мир и согласие между всеми государствами.

С 1375 г. в Москве и Новогрудке одновременно служили два митрополита — Алексей и Киприан, которые оба претендовали на титул «Киевский и всяя Руси». После смерти Алексея Киприан должен был стать общим митрополитом, но Москва начала с Константинополем игру ради получения отдельного митрополита. Произошла длительная церковная смута, охватившая и Литву, и Московию.

Киприан победил лишь в 1389 г., после смерти Дмитрия Донского. Соборная грамота Константинопольского Патриархата 1389 г. сурово осудила московский сепаратизм, в частности, отношение к литовским епархиям, митрополита Алексея, когда он, фактически, управлял Московским княжеством¹⁵:

Он неодинаково был расположен ко всем князьям, неодинаково заботился о всей своей пастве и оставлял без своего архипастырского презрения всю Литовскую землю и Киев. Сделавшись опекуном малолетнего великого князя Дмитрия, он весь предался одному попечению о нём и, имея в руках своих светскую власть, исключительно радел о Московском княжестве и возбуждал между князьями междоусобия и кровопролития, вместо того чтобы быть их миротворцем.

Но Ягайло и Витовт не дождались этой развязки. Политическая ситуация для них тогда была критической: в 1382 г. погибает соправитель Ягайлы — князь Кейстут, и сын убитого князя Витовт начинает гражданскую войну с помощью крестоносцев. Ягайло в 1385 г. ищет помощи у Москвы, которая очень усилилась после Куликовской победы. Но требования Дмитрия Донского оказываются чрезмерными. Под таким прессингом Ягайло находит спасение в заключении Кревской унии с Польшей и браке с польской королевой Ядвигой.

Отныне все великие князья литовские исповедовали католическую веру, а само Великое Княжество официально ориентировалось на западноевропейскую цивилизацию и на старый Рим как её духовный центр. Литва выбрала практическую помощь поляков и Римской Церкви и автоматически — второстепенное место в истории.

И действительно, Ягайло и Витовт таким образом смогли победить Тевтонский Орден и решить свои тактические задачи. Но стратегически Витовт проиграл: упустив возможность стать преемником Восточной Римской империи, он не получил даже обычной королевской короны от римского папы...

Однако надо признать, что положительным моментом стало приобщение к сокровищам латинской культуры, древней литературы, научных и технологических достижений Западной Европы. Наш край, таким образом, стал своеобразной сокровищницей европейской цивилизации, воспитанной на античной, православной, католической

¹⁵ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви 12 томов. Санкт-Петербург, 1883. Кн. 3. Гл. VIII.

Церковь Рождества
Богородицы в д. Мурованка
Щучинского р-на,
между 1516–1542 гг.

Церковь Благовещения
Пресвятой Богородицы в Су-
прасле, Белостокское воеводство,
Польша, XVI в.

и протестантской культуре. А Византийская империя своей противоречивой политикой в итоге не достигла ни одной цели, наоборот — она испортила отношения со всеми государствами и потеряла общее влияние на ситуацию в крае. Сначала Литва в 1385 г. переориентировалась на Запад, а в 1448 г. Москва объявила автокефалию от Патриархии. И когда Константинополь погибал под ударами турок в 1453 г., ему не помогла ни православная ойкумена, ни последняя отчаянная уния с католиками. Агония империй — отнюдь не возвышенное зрелище...

После Кревской унии православные подданные ВКЛ оказались в несколько дискриминированном положении, хотя прокатолические привилегии обычно так и оставались декларациями, а православным никто не мешал жить по своей вере.

После смерти митрополита Киприана литовские архиереи по настоянию Витовта в 1414 г. провозгласили автокефалию и выбрали Григория митрополитом, копируя московский сепаратизм 1378—1389 гг. Но и этот шаг не получил благословения Патриарха. После неудачной попытки в 1418 г. заставить Цамблака признать главенство Римской Церкви Витовт вынужден был согласиться на восстановление единства русской митрополии.

После смерти Витовта ВКЛ пережило гражданскую войну 1432—1435 гг. между великими князьями Свидригайло и Жигимонтом. Первый пытался опираться на православных, не довольных Городельским привилеем 1413 г., второй — на католиков. Самое интересное — оба князя были католиками, что современным православным может показаться невероятным. Но это в очередной раз свидетельствует, что личное вероисповедание монарха не означало автоматического гнёта для подданных другой веры. Хотя Свидригайло и проиграл, православные добились отмены большинства ограничений.

Тем временем в 1439 г. Константинополь согласился на Ферраро-Флорентийскую унию ради получения римской помощи против турок. Это вызвало окончательное отделение Русской Церкви. Москва в 1448 г. провозгласила автокефалию и самостоятельно выбрала себе нового митрополита Иону, вместо униата Исидора, который убежал в Литву. До 1589 г. Московская Церковь считалась Восточными Патриархами неканонической и находилась в сильной зависимости от светской власти. А Литовская Церковь по-прежнему подчинялась Константинопольскому Патриарху, и с этих пор Новогрудская митрополия больше не пустовала.

За XV в. литовская династия Ягеллонов достигла вершины могущества — её владения распростёрлись от Балтики до Черного и Адриатического морей. Ягайловичи царствовали не только над родным Великим Княжеством Литовским, но и над Польским, Чешским и Венгерским королевствами, а также вассальным и Пруссией и Мазовией. Целое столетие Ягеллоны удачно противостояли Турции и Московии. Но XVI в. стал для них трагическим.

В 1526 г. венгерско-чешско-хорватское войско потерпело сокрушительное поражение от турок под Мохачем, где погиб последний представитель старшей ветви Ягайловичей Людовик II. Права на Чехию и Венгрию перешли к австрийским Габсбургам.

На востоке для Ягеллонов также возникли новые вызовы. После захвата Царьграда турецкий султан передал византийские императорские регалии Константинопольскому Патриарху. Тем не менее московский князь Иван III титулуется царем (т. е. кесарем), использует печать с византийским гербом и позиционирует Московское государство как духовного преемника Византии. Одновременно Орда окончательно теряет контроль над Москвой и начинается стремительный переход русских земель из-под власти ВКЛ под скипетр *«нового царя Константина новому граду Костянтину»*, как говорит об Иване III московский митрополит Зосима. Стратегическую инициативу в регионе окончательно захватывает Москва.

ЛЮБЛИНСКАЯ И БРЕСТСКАЯ УНИИ

В ВКЛ православие по-прежнему было более распространено, чем католичество. Еще в начале XVI в. в Вильнюсе было 13 православных церквей, и их количество увеличивалось: в 1596 г. в столице существовало 15 церквей при 14 костёлах. В Великом Княжестве Литовском насчитывалось приблизительно 11 тыс. православных священников, примерно столько же храмов. Но большинство магнатских и шляхетских родов

переходило в католичество или протестантизм, поэтому реальное влияние православия постоянно снижалось.

С другой стороны, великокняжеская власть не заботилась об укреплении здешнего православия, а внутренние противоречия и беспорядки в Литовской Церкви только возрастали. Прежде всего они были обусловлены конфликтами между братствами православных мирян и церковной иерархией, которая в то время очень зависела от светской власти.

Москва гениально использовала униженное положение православных в ВКЛ как политический аргумент в спорах с соседом. Литовская власть в результате стала ещё более подозрительно относиться к своим православным подданным, как к пятой колонне Москвы, особенно после признания московской автокефалии и патриархии со стороны Восточных Патриархов в 1589 г.

В середине XVI в. противостояние Москвы и ВКЛ достигло критической точки и выстоять в Ливонской войне Литве удалось лишь ценой вхождения в Речь Посполитую через подписание Люблинской унии.

Идеологически же Москва бесспорно победила: там появился свой автокефальный Патриарх, а само царство удачно спозиционировало себя как Третий Рим. Власти Речи Посполитой особо не стремились укреплять свои центры православия, поддерживать их константинопольскую ориентацию либо добиваться автокефалии или патриаршества, к тому же это неизбежно провоцировало бы конфликт с Папой Римским.

Единственным адекватным ответом Москве казалось присоединение «своих» православных к государственной католической церкви. Действительно, это был очень лёгкий путь: не решать «православный вопрос», а просто ликвидировать его. Это была главная трагическая ошибка Великого Княжества Литовского, предпринявшая его будущее и судьбу всей Речи Посполитой.

В 1572 г. умер последний представитель Ягеллонов по мужской линии Жигимонт Август. Вместо передачи короны Габсбургам, как легитимным преемникам, знать открывает эпоху выборных королей, что в дальнейшем сыграло свою пагубную роль для государства.

Во второй половине XVI в. в Речи Посполитой разворачивается католическая контрреформация. Проекты «единства костёла» предусматривали присоединение к католицизму и протестантов, и православных.

В то время конфликты между православными епископами и братствами достигли критического уровня. В 1586 г. Литву посещает Антиохийской Патриарх Иоаким, а в 1589 г. — Константинопольский Патриарх Иеремия II. Некоторые скоропалительные решения, такие как дарование ставрапигий братствам и монастырям, создание экзархата, только увеличили хаос в церкви и склонили часть местного епископата к унии с католиками.

Брестская уния 1596 г. была ими тщательно спланирована и проведена: пять из семи архиереев согласились на неё. Но уже 17 октября 1596 г. на параллельном православном соборе в Бресте патриарший экзарх Никифор Парасхес Кантакузин принял решение об освобождении от обязанностей и духовных должностей этих епископов-униатов.

Однако под давлением государственной власти уния активно расширялась: вскоре большинство православных приходов и монастырей стали униатскими, все греки были высланы из страны, а патриарший экзарх Никифор был схвачен и принял мученическую смерть в Мальборкском замке. В Беларуси не осталось ни одного православного епископа.

Провал прежних Лионской и Ферраро-Флорентийской уний так и не заставил католиков понять, что «локальные унии» вроде Брестской — абсолютная утопия. Ныне можно только удивиться наивной надежде решить «православный вопрос» в отдельной стране, пока Папа и Восточные Патриархи продолжают своё противостояние.

Тем не менее надо признать, что Брестская уния была выдающимся политическим проектом — она виделась как первый шаг по присоединению Московского Царства к Речи Посполитой. В 1610 г. даже удалось привести Москву к присяге на верность короле-

Собор святых апостолов
Петра и Павла в Минске, 1612 —
конец 1620-х гг.

вичу Владиславу. Но весь этот проект рухнул так же стремительно, как и начинался: Москва отбилась, православные в Речи Посполитой сохранились, а религиозная напряжённость в стране достигла наивысшего градуса.

Крах идеи Брестской унии стал очевидным в 1620 г., когда иерусалимский Патриарх Феофан III восстановил православную иерархию в Киеве и назначил епископов на другие кафедры. Брестская уния, таким образом, не объединила христиан в Речи Посполитой, не говоря уже о Москве. Единственным результатом стал раскол православной церкви и дополнительная религиозная напряжённость.

Церковь св. Ильи XVII в.
в Витебске. Рисунок XIX в.

ПРАВОСЛАВИЕ И МОНАРХИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

После Брестской унии православная церковь сохранилась в Речи Посполитой, хотя её влияние существенно уменьшилось — с 1632 в рамках ВКЛ существовала единственная Могилёвско-Мстиславско-Оршанская православная епархия.

Но говорить о тотальном упадке всё же не приходится¹⁶. Малоизвестен тот факт, что в первой половине XVII в. продолжали основываться православные монастыри, среди

¹⁶ Котлярчук А. Праваслаўе ў Вялікім Княстве Літоўскім // <http://www.belaoc.org/content/view/55/72/lang.belarussian>

меценатов были крупные дворяне ВКЛ: Константин Маскевич, Иван Юревич, Николай Суходольский, Михаил Миорский и другие. Действовали православные братства и типографии, всяческими способами помогали и защищали православие княжны св. Софья Слуцкая, Елена Стяткевич, Анна Огинская, Марина Суходольская, Софья Огинская, Софья Радзивилл, Ева Соломерецкая.

Отношения с государством тоже нельзя назвать сплошной конфронтацией — как перед, так и после Брестской унии. Так, в 1616 г. Жигимонт III издает указ о непринуждении православных к переходу на григорианский календарь. Интересно также упомянуть, что православная церковь, хотя и не участвовала в помазании королей и интронизации великих князей, тем не менее всегда поминала их на литургии вместе с православными епископами и патриархами. Формулировки менялись с XIV—XVII вв.¹⁷. Первоначально молились

о здравии и спасении благочестивых царей, о благочестивом и боголюбивом Великом Князи нашем ИМЯРЕК, и всех благочестивых князей наших иже русскую землю пекущимися

Тропарь Креста Господня во времена Речи Посполитой звучал так:

Спаси, Господи, люди своя, и блagosлови достояние твое, победы великому Господару нашему на сопротивныя даруя, и своя сохраняя Крестомъ си люди.

В ходе многочисленных войн, в том числе с москвитами, во всех православных церквях Великого Княжества Литовского служился молебен «За царя и людие, воспеваемый во время брани на супостата», в котором между прочим говорилось¹⁸:

Победу с небесе подаждь, якоже иногда Константину, верному Царю нашему, и всемъ людемъ твоимъ... И ныне смиренно молим Тя, рабу Своему Царю нашему ИМЯРЕК: со-путешествуй, и побори по нем на враги наша и покори техъ подъ нозе его... Но подаждь рабу твоему царю нашему мирное и безмятежное царство: и всякия междуособныя брани и мятежи и волны того избави: и вышша всехъ бедъ и нуждъ сотвори: и вся вражды и крамолы востающия на державу его разруши: непреборима же Твоею непобедимую силою от всякаго вражяго навета и нашествия того яви.

Во время проскомидии из просфор вынимались частицы с молитвой «О державнем Государи нашем великом Короли имярек», чтобы потом на Литургии вложить их в потир с Кровью Христовой. Поминались как живые, так и почившие монархи, подчеркнём, независимо от их личного вероисповедания — ведь царская власть для христиан имеет священную природу.

Таким образом, несмотря на религиозное давление, православные сохраняли верность королю Речи Посполитой, не порывая своей духовной связи с Константинопольским патриархатом. Настоящий упадок православие в Беларуси претерпело несколько позже — в результате русско-польской войны 1654—1667 гг.

ИНОЗЕМНЫЕ ВЛИЯНИЯ. ПОЛЬША И РОССИЯ

Пока Великое Княжество Литовское в XIII—XVI вв. сохраняло самостоятельность внутренней политики, межконфессиональные отношения в нём оставались относительно мирными и спокойными. Но со времен Брестской унии в Речи Посполитой начала стремительно накапливаться религиозная напряжённость, которая, в конце концов, взорвалась восстанием Богдана Хмельницкого на Украине в 1648 г. Гражданской войной в соседней стране воспользовалось Московское государство, развязав войну 1654—1667 гг. В ходе военных действий православие вновь было использовано обеими сторонами как политическая карта.

Хотя Москва декларировала защиту здешних православных, она в обход Константинополя направила на земли ВКЛ собственных епископов и организовала

¹⁷ Медведева Е. М. Поминания церковных и государственных властей в печатных кириллических Службениках Великого княжества Литовского XVI—XVIII вв. // Белорусский Сборник. Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. Вып. 3. Санкт-Петербург, 2005. С.125–134.

¹⁸ Требник митрополита Петра Могилы. Інформаційно-видавничий центр Української Православної Церкви. Київ, 1996.

вывоз местных православных святынь. В Россию попали Полоцкая и Виленская иконы Божией Матери, «Виленский крест», целиком был вывезен крупнейший просветительский центр — Оршанский Кутеинский монастырь. А после войны здешнее православие было добито властями Речи Посполитой на волне антимосковских настроений: в 1673 г. православные были лишены права нобилитации, конституция 1676 г. запрещала православным общаться с Царьградским патриархатом и ликвидировала ставрапигию братств. Вместо поддержки независимости киевских митрополитов католические власти сами толкнули православных в руки Московского патриархата.

От этой ситуации опять выиграла Москва, ликвидировав в 1686 г. автономию Киевской митрополии. С помощью турецких властей Московский Патриарх Иоаким получил в 1687 г. от Константинопольского Патриарха Дионисия IV грамоту, в которой Восточные Патриархи соглашались на смену юрисдикции Киевской митрополии. Несмотря на это, Иерусалимский патриарх Досифей II (Нотара) и следующие Константинопольские Патриархи считали этот переход неканоническим.

Так или иначе, но смена юрисдикции состоялась, и нынешний Константинопольский Патриарх Варфоломей недавно высказывал следующую мысль¹⁹:

Патриарх Дионисий IV рассудил, что при тогдашних обстоятельствах было необходимо церковное подчинение Украинской Церкви Московскому Патриархату, чтобы не преумножать беды благочестивого украинского народа и, чтобы он находился под православным политическим руководством.

Сказанное справедливо для украинского народа, но белорусское православие в результате смены юрисдикции было почти полностью уничтожено католиками и униатами. Целое столетие — вплоть до разделов Речи Посполитой — польско-католическое влияние было абсолютным. В то же время Россия получила легальную возможность вмешиваться во внутренние дела своей соседки, чем часто и с удовольствием пользовалась.

Польскому государству, которое родилось в перманентном конфликте со Священной Римской империей, имперские идеалы всегда были чужими и непонятными. Поэтому, получив власть в Речи Посполитой, польская элита своей местечковостью и религиозной нетерпимостью сама довела страну до позорной гибели. Речь Посполитая после Потопа уже не возродилась, а всё больше углублялась в хаос, чтобы, наконец, быть разделённой своими соседями, которые вновь удачно использовали вопрос защиты православных и протестантских диссидентов.

Внутренняя и внешняя политика Великого Княжества Литовского в это время окончательно теряет свои особенности, аристократия перенимает польско-сарматскую идеологию и начинает смотреть на мир польскими глазами. Память о величии старой Литвы почти стёрлась.

РУССКИЙ МИР — ТУПИКОВЫЙ ПУТЬ?

Великое Княжество Литовское полностью вошло в состав Российской империи в 1795 г. Тогда же развернулся процесс ликвидации Брестской унии, который на наших землях закончился Полоцким объединяющим собором в 1839 г. Православие, таким образом, вновь воцарилось в Беларуси, хотя уже под московской, а не царьградской юрисдикцией.

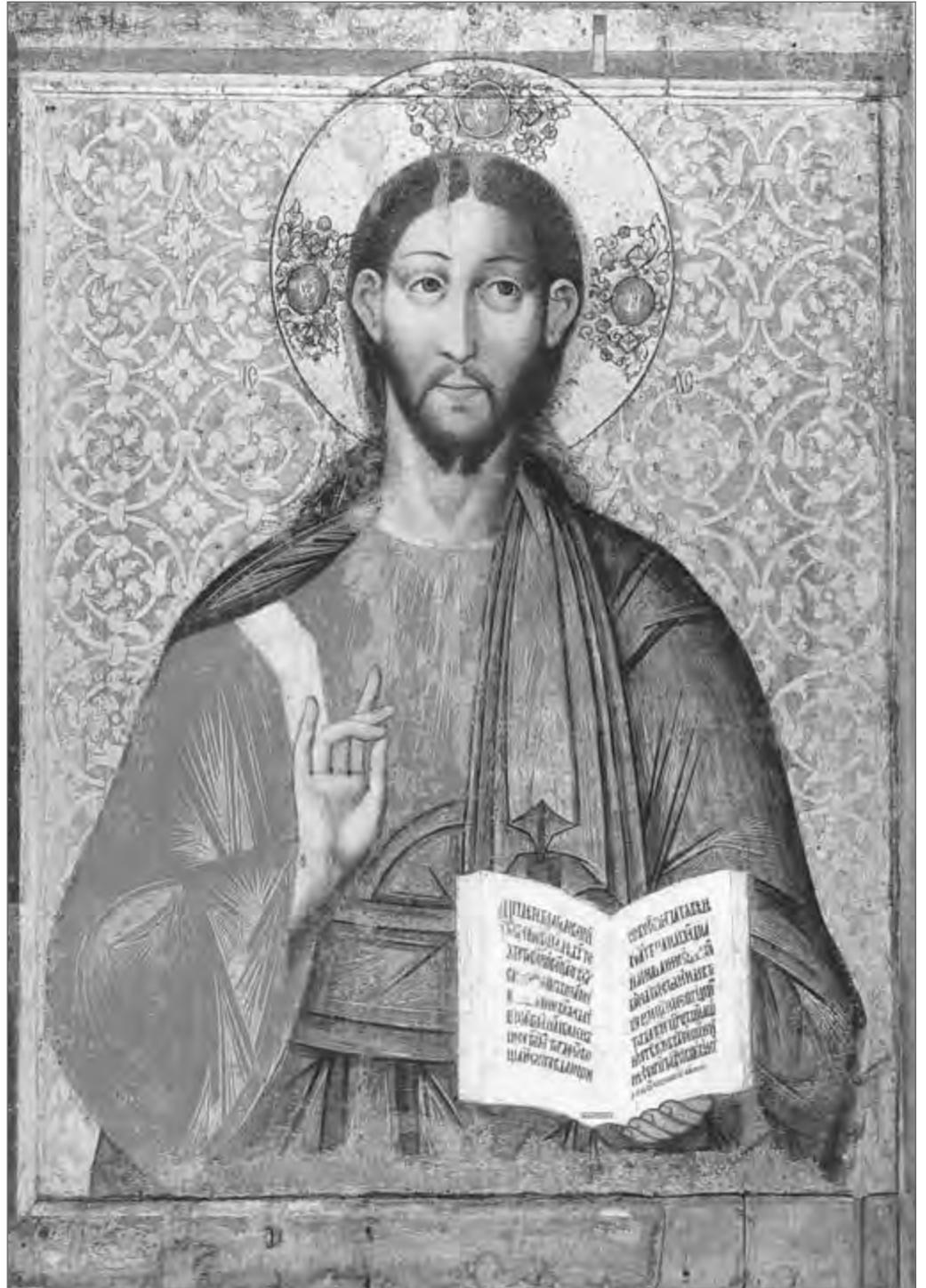
Всё XIX ст. российские идеологи западноруссизма воспевали торжество триединой Руси, которой, очевидно, было суждено стать инструментом наказания польского национализма и возрождения православия на нашей земле. В то же время российские власти не заметили постепенной нравственной деградации своего стержневого великорусского этноса. Или, точнее, заметили только во время революции, когда обезумевшие толпы начали разрушать свои же церкви. Попробуем проанализировать причины этих печальных событий.

¹⁹ Патриарх Варфоломей I изложил свое видение вопроса о переходе Киевской митрополии из юрисдикции Константинопольской Церкви в состав Московского Патриархата в 1687 году // <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/print27270.htm>

Часовня XIX в. с «литовскими» крестами, восстановлена в 1980 г., д. Заболотье Узденский р-н. Фото Ольги Лобачевской

XVIII—XIX вв. — время рождения европейского национализма, поэтому польское и российское влияние были очень схожи, как братья-близнецы. Идеалом государства была моноэтническая централизованная страна с одной государственной верой, языком и культурой. Московское государство некоторое время пыталось быть настоящей империей, в которой сохранялись особенности различных провинций — в ней даже существовали отдельные царства, такие как Касимовское на Рязанщине в 1452—1681 гг. Но со времен Петра этнорегиональные особенности начинают стираться на западноевропейский манер.

Спас Вседержитель.
Икона Успенской церкви (XVII в.)
в д. Бытень, Западное
Полесье, XVI в.

²⁰ Иеромонах Евфимий (Моисеев). Русская Церковь как основа Русского мира, Русский мир как основа Вселенской Церкви // <http://www.bogoslov.ru/text/501891.html>

Прежде всего это касалось славяноязычных народов, поэтому белорусы, русские и украинцы рассматривались как единая нация. Это была явная идеологическая натяжка, ведь происхождение и исторический опыт этих народов очень разный. Объединяет их религия и славянский язык — также как болгар и сербов, что, однако не превращает все эти народы в мифический «русский суперэтнос» (терминология некоторых русских идеологов²⁰). Упорное сознательное игнорирование культурных особенностей спровоцировало позднейший антагонизм и сепаратизм в Украине и Беларуси.

Но эта ошибка была не единственной и даже не решающей. Главная проблема заключается в сокровенном, но очень устойчивом филетизме Русской Церкви, зацикленности на «русском мире» и славянофильстве. Лояльность государству ценилась в России больше, чем принадлежность к христианской ойкумене.

Проблема зародилась еще в XIV в., вместе с московским сепаратизмом, который Константинопольские Патриархи неоднократно сурово осуждали. Достаточно вспомнить известную грамоту Патриарха Антония IV (1388—1395) к московскому великому князю Василию Димитриевичу²¹:

Отчего ты не уважаешь меня, патриарха, и, не воздая должной чести, какую воздавали предки твои, великие князья, не почитаешь не только меня, но и людей, которых я посылаю к вам и которые не получают ни чести, ни места, всегда и везде принадлежавших патриаршим людям? Кроме того, слышу некоторые слова, которые произносит благородство твое о державнейшем и благочестивом самодержце моем и царе, и скорблю, что ты возбраняешь, как говорят, митрополиту поминать Божественное имя царя на сугубых ектениях,— это дело небывалое!

Такая линия поведения характерна и для некоторых других народов и, в конце концов, была осуждена на Большом Поместном соборе 1872 г. в Константинополе, как ересь этнофилетизма:

Мы отвергаем и осуждаем племенное деление, то есть племенные различия, народные распри и разногласия в Христовой Церкви, как противные евангельскому учению и священным законам блаженных отцов наших.

Сейчас термин «русский мир» звучит повсюду, в том числе от первоиерархов Русской Православной Церкви. Безусловно, он, несмотря на сложные дипломатические формулировки, имеет привкус филетизма, так как переводит фокус внимания с **христианского мира** на узкий этнический уровень «**русского мира**». Подобный подход также девальвирует принципы имперского универсализма, искусственно ограничивая империю сферой влияния одного этноса.

Парадоксально на этом фоне выглядит тот факт, что титульный и стержневой имперский этнос оказался, пожалуй, самым несчастным и угнетенным в Российской империи. Крепостничество, рекрутские наборы, тотальная неграмотность и забитость государствообразующего народа — такого парадокса история империй ещё не знала. Изменения этого странного положения оказались нерешительными и запоздалыми. Кроме того, эти меры одновременно привели к ещё большей эмансипации враждебных инородцев, которые во время революции и в СССР совершили, по сути, геноцид бывшего имперского этноса ради создания фантастического «советского народа». Уничтожение русского этноса не прекратилась, а даже приняло новые формы и после распада СССР.

Путём напряжения последних сил и пролития рек крови Россия выстояла в XX в. ценой гибели лучшей части своего генофонда и потери почти всех территориальных приобретений за последние 250 лет.

Теперь Москва вместо имперского масштаба мышления зачастую демонстрирует только истеричный национализм и мелочные обиды на соседей. Великорусский этнос за последние столетия драматически ослабел морально и физически, он болен идейной шизофренией. Коммунисты, либералы, фашисты, монархисты создали невероятный хаос в русских головах. Даже среди «имперцев» настоящая имперская идея деградировала до уровня банальной националистической идеи-фикс, на что обращают внимание и в Русской Православной Церкви²². Всё это заставляет наши народы искать новую, более широкую альтернативу герметичному «русскому миру».

²¹ Acta et diplomata græca mediæ ævi sacra et profana. Ed. F. Miklosich et J. Muller. T. II. Vindobonæ, 1862. P. 192.

²² Свящ. Андрей Дудченко. Русский мир — манифест филетизма? // <http://www.bogoslov.ru/text/505334.html>

Сейчас мы имеем разрушенную и изувеченную Восточную Европу, разодранную на части молодыми этногосударствами, лишённую имперских центров власти.

Возможно, была особая воля Божия, чтобы обе страны, которые считали просторы Великого Княжества Литовского своей вотчиной, потерпели исторические катастрофы, в результате которых Россия уменьшилась до размеров XVII в., а Польша вообще оказалась в пястовских границах тысячелетней давности. Более ярко крах националистических проектов, пожалуй, невозможно проиллюстрировать.

Обычно считают, что история Великого Княжества Литовского очень трагична из-за его нахождения на линии геополитического разлома Запад—Восток, отмеченной тысячеклетным конфликтом католичества и православия. Но на эту ситуацию можно посмотреть совсем с другой стороны — как на уникальную концентрацию и точку напряжения европейского духа.

Так в своё время синтез христианства и греко-римского античного наследия родил европейскую цивилизацию, которая в итоге овладела всем миром. Эта величественная история может повториться на новом уровне.

Земля древних кривичей ещё в дохристианские времена была насыщена сакральным смыслом, есть даже основания соотносить её с мифической Гипербореей²³. Может, совсем не случайно, что тут же встретились и оба Рима, укоренились и живут до сих пор вместе. В этом уникальном для Европы сочетании виден огромный потенциал для духовного развития, который до сих пор не осмыслен должным образом и не использован.

Похоже, народы бывшего Великого Княжества Литовского не зря «отдыхали» несколько веков от государственного строительства, и теперь уже не стоит скрывать свой талант, как в евангельской притче. В своё время литовская протоимперия была весьма успешной, хотя потом инициативу и соответствующий инструментарий перехватили соседи. Но во времена расцвета государства её правители демонстрировали этническую и религиозную терпимость, недостижимую для понимания других монархий. Причём личное вероисповедание (даже язычество!) великих князей не могли поколебать их преданности идее общего блага края, что напоминает нам богатство духа великих Кира и Константина. Даже в современной Литве бросается в глаза множество памятников героям всех народов Великого Княжества и Речи Посполитой, ухоженные магнатские дворцы и усадьбы, польские и белорусские вывески, в храмах звучат церковно-славянские, белорусские, украинские, литовские, польские, латинские молитвы, уличные торговцы понимают немецкий, русский, английский языки. И всё это — не забывая свою родную литовскую культуру. Вот пример настоящего имперского духа и мышления, которые до сих пор хранит литовский народ!

Эти особенности литовского менталитета органично дополняются качествами белорусов, чьи предки также активно участвовали в строительстве ВКЛ. Здесь уместно вспомнить всегдашний консерватизм белорусов, их любовь к порядку во всем — от чистоты на улицах, до упорядоченности общественной жизни. Недаром Беларусь — единственное государство на постсоветском пространстве, не допустившее уничтожения собственной экономики и сохранившее независимость во внешней и внутренней политике.

Поэтому, рассуждая о белорусской мечте, о нашем видении будущего, которое способно веками вести общество к заветной цели, подобно путеводной звезде, будет вполне уместно в качестве такого футуристического проекта выдвинуть идею зарождения на наших землях новой империи, несущей общее благо Европе и миру и творчески сочетающей наследие восточных и западных половинок европейской цивилизации. Именно это я и понимаю под литовской альтернативой вместо проектов культурного гетто «русского мира» и глобалистской мультикультуральной антиимперии. Из нашего сурового северного края, расположенного в центре географической Европы, но веками считавшегося задворками Европы или России, как из евангель-

²³ Санько С. Імёны бацькаўшчыны. Крыўя // Druvis. Almanach Centru etnaksmalogiji «Kryūja». 2005. № 1. С. 7–17.

ского горчичного зёрнышка, вновь может вырасти большое дерево новой империи, ветви которой покроют сначала север нашего континента, а затем устремятся ввысь. 135

Масштаб задач не должен нас смущать, а подстёгивать к усердной работе ра-

ди высокой цели — способность к пониманию и решению задач

такого уровня является тестом на зрелость народа

и нас самих. Как говорят белорусы:

«Працуй, нябожа, то і Бог

паможа».